

ского губернского предводителя дворянства от 21 июля 1838 г. № 326 о получении второй партии книг в количестве шести экземпляров. Более того, 31 января 1839 г. газетная экспедиция Санкт-Петербургского почтамта «препроводила остальные вышедшие тома сочинений А. С. Пушкина (четвертый—восьмой) девятнадцать экземпляров» (Ф. 327. Ед. хр. 2832. Л. 25). В начале марта все они уже были розданы подписчикам (Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. Л. 26—28). Не совсем понятно, таким образом, о какой детективной истории и злоумышленниках идет речь? И какую информацию в этом смысле можно было почерпнуть из достаточно четко написанных канцелярских документов МВД и таврического предводителя дворянства?

Подводя итоги, отметим, что подписка на посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина проходила в Крыму не столь успешно, как это может представиться нашему современнику. При обсуждении нашего доклада участники VI Международной конференции «Пушкин и мировая культура» дополняли, что такое явление наблюдалось во многих российских провинциях в конце 1830-х гг. Причину этого еще предстоит изучить пушкинистам.

Примечания

¹ Государственный архив автономной республики Крым (ГААРК). Ф. 327. Ед. хр. 2831. Л. 1. Далее ссылки на архивные документы даются в тексте в скобках.

² См.: Казарин В. П., Андрейко Е. В. Посмертное издание Пушкина // Остров Крым. Симферополь, 1999. № 4. С. 82—83.

³ Казарин В. П. и Андрейко Е. В. прочли фамилию таврического губернского предводителя дворянства как Вожежнев (Там же. С. 82.).

⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 229.

⁵ Русский архив. М., 1893. Кн. 3. С. 176—177.

⁶ Казарин В. П., Андрейко Е. В. Посмертное издание Пушкина. С. 82.

⁷ Там же. С. 83.

Митико Икута

(Осака, Япония)

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ХАРБИНЕ В 1937 ГОДУ

Пушкин и Дальний Восток

Как известно, Пушкин был ранен на дуэли и после трехдневных страданий погиб 29 января 1837 г. Этот печальный день смерти поэта через сто лет стал днем объединения изгнанников в Харбине.

Г. К. Гинс, профессор одного из харбинских высших учебных заведений, писал в то время: «Прошло сто лет и мы теперь, в дни печальной годовщины, забываем об обстановке его смерти, а чувствуем то, что он бессмертен, что он живет в нас и с нами»¹.

В этом докладе я хочу рассмотреть, какое значение имеет Пушкин для русских в изгнании и почему именно он стал символом русской идентичности для дальневосточной диаспоры.

Пушкин никогда не был на Дальнем Востоке, однако он интересовался Китаем и не раз обсуждал эту страну с Н. Я. Бичуриным, выпускником Казанской Духовной академии, крупнейшим в ту пору русским ученым-китаеведом, который на протяжении 14 лет был главой Духовной миссии в Пекине, а 1835—1837 гг. провел в Кяхте, где организовал первое в России училище с преподаванием китайского языка. Бичурин нередко читал поэту произведения китайских поэтов. Пушкин дружил с Бичуриным. Примечательно, что в онегинских черновиках сохранилась запись о чтении Онегиным Конфуция.

Первым произведением Пушкина, переведенным на китайский язык, стала «Капитанская дочка». Это произошло в 1903 г. — в том году, когда вступила в строй Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Но это был всего лишь эпизод в истории Пушкина на Дальнем Востоке. По-настоящему пушкинский голос на Дальнем Востоке зазвучал, когда туда начали перебираться российские эмигранты.

Россияне в Харбине ²

Русских в Харбине было много — они ехали туда с 1898 г., с начала постройки Китайско-Восточной железной дороги. Собственно, своим возникновением город Харбин обязан строительству КВЖД. Эта дорога, проходившая по территории Маньчжурии, была построена Россией в 1897—1903 гг. Харбин был опорным пунктом строительства КВЖД.

В июле 1903 г. КВЖД была сдана в эксплуатацию, и ее полоса превратилась в своего рода государство в государстве — она была занята царскими войсками, там действовала русская администрация и русские законы.

После октябрьских событий 1917 года началось нашествие в Харбин эмигрантов и беженцев из России. В начале 1920-х гг. в город и на станции по линии железной дороги хлынул людской поток — часть той самой первой волны, которая вынесла основную эмигрантскую массу как на Запад, так и на Восток.

Новый этап в истории Харбина ознаменовали события японской оккупации Маньчжурии. Она началась в 1931 г., а на рассвете 6 февраля 1932 г. японские части вошли в Харбин. Так открылась новая тяжелая страница в жизни города, оказавшегося на ближайших пятнадцать лет буквально на скрещении эпох. Японцы в большом числе стали стекаться в Харбин.

После оккупации Маньчжурии, и в том числе полосы отчуждения КВЖД, японскими войсками и создания ими марионеточного государства Маньжоу-Го, работа КВЖД была сначала затруднена, а затем стала и вовсе невозможна. Поэтому в 1935 г. СССР продал свои права на

дорогу властям Маньжоу-го. Многие русские железнодорожники были при этом уволены, а многие из тех, у кого было советское подданство, вернулись в СССР.

Эмигранты остались в Харбине. Диаспора раскололась на несколько групп, которые соперничали друг с другом. Японская военная спецслужба создала Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), которое строго регламентировало каждый шаг русских эмигрантов. Понимая, что значит имя Пушкина для русских, БРЭМ организовало центральный Пушкинский комитет общественных организаций.

Пушкин — символ русской идентичности в диаспоре

Чтобы объединить эмигрантов и держать их под контролем, был необходим культурный символ. В качестве устойчивой опоры требовался какой-нибудь безупречный образ, связанный с Россией. Имя всеми признанного великого поэта в условиях культурной нестабильности было способно стать своего рода душевным прибежищем. В сознании эмигрантов Пушкин стал культовой фигурой, символом потерянной родины. Кроме того, вокруг Пушкина могла объединиться вся зарубежная Россия, несмотря на все политические и идейные разногласия.

Впервые зарубежная Россия отметила 125-летие со дня рождения Пушкина в 1924 г. На совещании по преодолению угрожающей утраты национальной идентичности (или, пользуясь терминологией того времени, — денационализацией) было решено ежегодно повсюду за рубежом широко отмечать «День русской культуры», приурочив его ко дню рождения Пушкина.

В 1925 г. день рождения А. С. Пушкина как «День русской культуры» уже праздновался в 113 странах, где жили русские эмигранты, и с этого времени стал ежегодным.

Ежегодное и повсеместное празднование «Дня русской культуры» подготовило организацию мероприятий 1937 г. Нам трудно представить себе огромное значение пушкинских дней 1937 г. для россиян, оказавшихся после революции рассеянными по всему миру, в том числе в Харбине. Ведь для них было необходимо событие, вокруг которого смогла бы объединиться вся зарубежная Россия, оставив в стороне политические и идейные разногласия.

Вспоминая те времена, один харбинец писал: «В наше тревожное время мало осталось душевных прибежищ, особенно для человека русского, живущего на огромных просторах России или заброшенного в разные страны мира. Именно таким источником душевной чистоты, уцелевшим оплотом надежды является Пушкин.

Многим любезен он народу. Идут годы, столетия, а имя Пушкина стало символом чести и примирения. Вспомним далекий 1937 год. Сотни тысяч российских граждан проживают в эмиграции... В изгнании возникло 166 Пушкинских комитетов на 5 континентах. В Европе

в 24 государствах и 170 городах, в Австралии в 4 городах, в Азии в 8 государствах и в 14 городах, в Америке в 6 государствах и в 28 городах, в Африке в 3 государствах и в 5 городах. Всего в 42 государствах — 231 городах. Всеми миру было явлено единство нашей памяти»³.

Пушкинские мероприятия в Харбине⁴

В Харбине пушкинские мероприятия проходили с большим размахом. Духовенство отслужило торжественную панихиду по Пушкину. Всюду открывались выставки, читались лекции, проходили премьеры спектаклей. Но у этого, казалось бы, чисто литературного события была и политическая подоплека.

В феврале 1937 г. была открыта Пушкинская выставка, организованная по предложению члена комитета П. Савостьянова. На ней были представлены не только прижизненные издания поэта, но и предметы русского быта, картины.

В те февральские дни и возникла идея издать все «пушкинские материалы» в одном альбоме.

Авторский коллектив по созданию альбома возглавил профессор К. Зайцев, который не только взял на себя контроль координатора, но и написал немало статей, а также отредактировал работы других авторов.

Всего было отпечатано 1160 экземпляров, из них 16 именных и 44 нумерованных — на бумаге лучшего качества и в увеличенном формате.

1 марта 1937 г. на торжественном собрании на юридическом факультете Харбинского университета профессор Г. К. Гинс произнес свою блестящую речь «А. С. Пушкин — русская национальная гордость».

Почему Пушкин стал символом русской культуры для российской эмиграции

Что изгнанники подразумевали под русской культурой, той исторической традицией, которую следовало сохранять и продолжать?

Марк Раев, автор книги «Россия за рубежом», пишет: «Литературные произведения легче всего распространять и экспортировать, а язык — главная черта, определяющая единство нации. Живопись и музыка также внесли уникальный вклад в достижения русской культуры, но это утверждение спорно, поскольку музыка и изобразительное искусство носят универсальный характер и легче ассимилируются в заграничную культурную жизнь»⁴.

Но почему именно Пушкин?

Для большинства русских классической литературой была словесность XIX в. У ее истоков на недосыгаемой высоте стояло творчество Пушкина.

Его не только читали, но и заучивали наизусть все образованные русские. Пушкин становился частью души каждого русского человека еще с детских лет.

Поскольку произведения Пушкина очень трудно переводить на другие языки, русские могли считать его исключительно своим.

Пушкин создал и сам язык, на котором писали и говорили потомки.

Русский человек, который никогда в жизни не видел Россию, может представить себе ее, читая Пушкина.

В эмиграции образованные русские заново открыли для себя Пушкина как действительно своего поэта, самого близкого им не только с точки зрения языка и формы, но по его творческой свободе, свободе, растоптанной в большевистской России.

Профессор Гинс пишет: «Нам дороги у Пушкина его народный язык, русская природа, русский быт. Мы сочувствуем и укрепляемся в тех идеях, которыми проникнуты его стихотворения „Клеветникам России“ и „Бородинская годовщина“»⁵.

По мнению М. Раева, «политическая позиция Пушкина — примирение с царским режимом из страха перед народным бунтом, его случайные хвалебные отзывы о русском национализме и империализме, так же как его бескомпромиссный индивидуализм и духовное вольнолюбие, находили особенно горячий отклик у эмигрантской интеллигенции. В 20-е и вплоть до середины 30-х гг. советская пропаганда в области культуры отвергала Пушкина, отдавая предпочтение другим кумирам, таким, как поэт-народник Н. Некрасов или писавший социально направленную прозу М. Салтыков-Щедрин. Это неприятие еще больше укрепило эмигрантов в их преданности Пушкину — главной для них фигуре в русской культуре»⁶.

Особенно в 1930-е гг., в годы японской агрессии, было сильно движение почитателей Пушкина. Он стал символом борьбы за свободу. Тогда же, в 1937 г., и был в Шанхае поставлен памятник Александру Пушкину. Этот памятник, разрушенный японцами в 1940-х гг., восстановлен после победы над Японией. Во время китайской культурной революции памятник вновь был уничтожен. И снова восстановлен⁷. Пожалуй, это можно считать еще одним доказательством того, что Пушкин и вправду «памятник себе воздвиг нерукотворный» — на этот раз на Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Гинс Г. К. Столетие со дня смерти А. С. Пушкина (1837—1937) // Россия и Пушкин: Сб. ст. Харбин, 1936. С. V.

² См.: Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1989; Он же. Российская эмиграция в Китае. М., 1997; Таскина Е. Н. Неизвестный Харбин. М., 1994; Она же и др. Русский Харбин. М., 1998; Хисамутдинов А. А. По странам рассеяния. Ч. 1: Русские в Китае. Владивосток, 2000; Он же. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Владивосток, 2000; Аблова. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999.

³ Русские в Китае. 1999. № 16, апрель. С. 1.

⁴ См.: Пушкинские торжества в Харбине в 1937 г. // На сопках Маньчжурии. 1999. № 65, июнь. С. 1—3.

⁵ Гинс Г. К. Столетие со дня смерти А. С. Пушкина (1837—1937). С. VII.

⁶ Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994. С. 124.

⁷ См.: Гордиенко Ю. Судьба памятника А. С. Пушкину в Шанхае // Русские в Китае. 1999. № 16, апрель. С. 4.

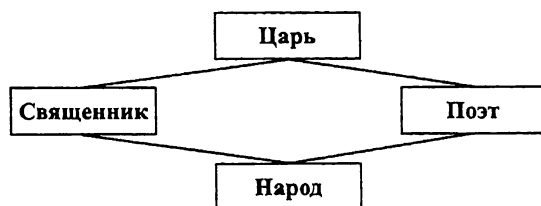
В. А. Гусев

(Днепропетровск, Украина)

ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1999 ГОДА: МЕЖДУ МИФОМ И АНЕКДОТОМ

Пушкину принадлежит совершенно особое место в русской культуре. Причем черты мифологизации поэта присутствуют почти во всяком знании о нем. Миф о Пушкине возник давно и долго удерживался в общественном сознании. О его сути подробно говорится в статье М. Н. Виролайнен «Культурный герой Нового времени»¹, и мы позволим себе изложить здесь ее некоторые положения, посвященные интересующей нас теме. Автор полагает, что Пушкин является культурным героем нового времени, который приносит в мир новизну, остающуюся нам как норма. В статье прослеживается трансформация традиционной триады: Пророк—Первосвященник—Царь в пушкинскую эпоху. Культурный архетип пророка берет на себя поэт, и триада выглядит так: Царь—Священник—Поэт.

К этим трем ключевым фигурам триады М. К. Виролайнен присоединяет четвертую — народ — и возникает символическая культурологическая схема: царь в ней определяет норматив государственной, политической, общественной жизни в ее настоящем; поэт-художник (в широком смысле слова) создает то, чего раньше не было, он ориентирован на новизну, то есть на настоящее и будущее; священник ориентируется на настоящее через прошлое, сохраняя традицию; с помощью народа и ради него осуществляются направляющие и регламентирующие функции трех первых фигур.

Жизненный и творческий путь Пушкина проходит через эти четыре основные позиции, он объединяет низовую и верхнюю — цер-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003